

На правах рукописи

Шаблей Павел Сергеевич

**ОРЕНБУРГСКОЕ МАГОМЕТАНСКОЕ ДУХОВНОЕ
СОБРАНИЕ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И
РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСКИХ
СТЕПНЫХ ОБЛАСТЕЙ (1788-1868 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Челябинск – 2013

Работа выполнена на кафедре религиоведения ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель – Конюченко Андрей Иванович
доктор исторических наук, профессор.

Официальные оппоненты: Ярков Александр Павлович
доктор исторических наук, профессор,
заведующий сектором изучения
этноконфессиональных отношений ФГБОУ
ВПО «Тюменский государственный
университет»;

Старостин Алексей Николаевич
кандидат исторических наук, старший
преподаватель кафедры теологии ФГБОУ ВПО
«Уральский государственный горный
университет».

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет».

Защита состоится «29» ноября 2013 г., в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.298.13 при ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет) (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. 1007).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Исторический опыт и современные условия функционирования ислама в Казахстане не могут быть целостно поняты без изучения основных этапов становления и развития мусульманских институтов. Одним из них был период вхождения казахских земель в состав Российской империи, когда были созданы институциональные основы для вмешательства государства в религиозную жизнь местного населения. В определенные периоды наблюдался рост мусульманских институтов, появились новые организационные структуры духовного управления, сохранившие свою историческую преемственность. Опыт функционирования муфтиатов в Российской империи и их посредническая роль между интересами мусульманских общин (*махалла*) и государством отчасти стали основой для существования Духовных управлений мусульман как в советскую эпоху: Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ), Среднеазиатское духовное управление мусульман (САДУМ), так и в период становления и развития суверенных государств на постсоветском пространстве: Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК), Духовное управление мусульман Европейской Сибири (ДУМЕС), Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) и др.

Изучение Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в контексте общественно-политических и религиозных процессов в Казахских степных областях в конце XVIII – середине XIX вв. позволяет нам рассмотреть всесторонне разнообразные аспекты реализации региональной и конфессиональной политики Российской империи, раскрыть связь между историей отдельных институтов и религиозными воззрениями местных обществ.

Степень научной изученности проблемы. В историографии проблемы можно выделить три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

Исследования, вышедшие до 1917 г., мы условно можем разделить на несколько групп. К первой относятся работы чиновников, публицистов и исследователей Министерства внутренних дел (МВД), имевших доступ к архивам этого учреждения. Так, согласно П. Варадинову, организация духовного управления мусульман в Российской империи в первой половине XIX в. не была строго централизована, ряд важных вопросов отдавался на

усмотрение местной администрации¹. В публикации Б. Юзефовича рассматриваются причины образования ОмДС в контексте российской конфессиональной политики конца XVIII в. В своей работе автор указывал на необходимость упразднения муфтиата, отмечая его низкую служебную эффективность и зависимость от других правительственных учреждений². Этнограф и исламовед С.Г. Рыбаков попытался соотнести ключевые этапы в организации духовного управления в Российской империи с изменением политических приоритетов государства. В этом отношении он утверждал, что изъятие казахов из ведомства ОмДС в 1868 г. было обусловлено преимущественно политическими соображениями³.

Причины образования ОмДС и особенности российской конфессиональной политики в Казахских степных областях были затронуты в работах чиновников регионального уровня⁴. Например, этнограф, историк и заседатель Тургайского областного правления А.И. Добросмыслов не считал, что создание ОмДС могло быть связано с попыткой властей сознательно усилить покровительство исламу в Казахской степи. По его мнению, эта реформа была основана исключительно на политическом расчете⁵. С другой стороны, краевед Н.М. Чернавский, рассматривал образование ОмДС как меру, с помощью которой власти способствовали усилению ислама среди казахов⁶.

Самая обширная группа трудов, написанных об исламе и ОмДС, принадлежит татаро-башкирским и казахским деятелям. К наиболее ценным работам относятся исследования: кадия ОмДС, а затем уже и муфтия ЦДУМ России Риза ад-Дина Фахреддина; имама, крупного общественного и религиозного деятеля Шихаб ад-Дина Марджани; суфийского шейха и историка Мурада Рамзи. В своих произведениях, которые представляют собой сочетание биографий мусульманских *улемов* и истории мечетей, медресе Волго-Уральского региона и Казахских степных областей, они

¹ Варадинов П. История Министерства внутренних дел. В 8 книгах. Ч. 2. Кн.1; Ч. 3. Кн. 1. – СПб., 1859-1862.

² Юзефович Б. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Русский вестник. – 1883. – Т. 164. – С. 8-64.

³ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. вв. статьи Д.Ю. Арапов. – М., 2001. – С. 267-315.

⁴ Герман Ф.И. О киргизах // Вестник Европы. – 1822. – Ч. 122. – № 3. – С. 218-227; Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей. – Алматы, 1996. – С. 314-315; Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. – Т. 1. – СПб., 1897; Бабков И.О. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859-1875). – СПб., 1912.

⁵ Добросмыслов А.И. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Исследование Николая Чернавского // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – 1901. – Т. 17. – С. 157-161; Он же. Тургайская область. Исторический очерк. Ч. 2 // Известия Оренбургского отдела Императорского РГО. – 1902. – № 17. – С. 161-162.

⁶ Чернавский Н. М. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1 // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Вып. 10. – Оренбург, 1901-1902. – С. 8-9.

уделяли большое внимание критике источников и объективности изложения⁷. Биографический свод Ризы ад-Дина Фахреддина и историческое сочинение Шихаб ад-Дина Марджани объединяет то, что авторы в целом давали критическую оценку деятельности ОмДС, его муфтиев и кадиев, считали их очень зависимыми от имперской администрации⁸. Небольшие обзорные работы по деятельности ОмДС были созданы башкирским поэтом-просветителем М.И. Уметбаевым и кадием этого учреждения Хасаном Гата ал-Габаша⁹.

В Казахской степи также появлялись труды, в которых находили отражение сюжеты о взаимодействии местных и центральных органов власти с мусульманскими институтами, влиянии ОмДС на мусульманское население Казахской степи. Во второй половине XIX – начале XX вв. ахун Ахмад-Вали ибн Али ал-Казани написал историю мечетей города Семипалатинска¹⁰, а крупнейший этнограф и религиозный деятель Курбан Али Халиди создал несколько региональных описаний, в которых были освещены вопросы духовной инвеституры мусульманских *улемов*, взаимоотношения мусульманских институтов с российской администрацией, биографии оренбургских муфтиев¹¹. В целом стиль этих региональных историй соответствует тому пониманию исламского дискурса, которое было рассмотрено в исследованиях Михаэля Кемпера и Аллена Франка¹².

К несколько иному кругу относятся работы казахской интеллигенции, прошедшей русские учебные заведения и испытавшей сильное влияние европейской культуры. Более радикально высказывался казахский этнограф

⁷ Фәхредин Р. Асар. Т. 1-4. – Казань, 2006-2010; Мәржани Ш. Мөстәфаде-л-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Т. 2. – Казан, 1900; Рамзи М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака' и Казан ва Булгар ва мулук ат-т-татар. Т. 2. – Оренбург, 1908.

⁸ См.: Фәхредин Р. Указ. соч.; Мәржани Ш. Указ. соч. Кроме этого Р. Фахреддину принадлежит специальная работа, посвященная разбору правительственных мероприятий по отношению к мусульманским институтам. См.: Фәхредин Р. Исламнар хақында хөкүмәт тәдбирләре // Р. Фәхредин. Дини вә ижтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр. – Казан, 2011. – Б. 155-206.

⁹ Уметбаев М.И. В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания учрежденного в г. Уфа. – Уфа, 1891; Габәши Х. Г. Духовное Собрание дә имтихан өчен сораулар // ОРРК НБ КФУ (Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского федерального университета). Т– 1234. См. также публикации на страницах татарских периодических изданий: Оренбург Духовный Собраниясында муфтилек // Вақыт.– 1912. – № 1003-1004, 1006, 1008-1009; Уфа духовное собраниесендә укучылар саны // Шура. – 1909. – № 58. – Б. 3; Хәсәни Мөхәммәтсабир. Казакларда мөфтилек // Шура. – 1913. – № 11. – Б. 333-335.

¹⁰ History book of the City of Semipalatinsk by Akhund Ahmad-Wali b. Ali al-Qazani // Frank Allen J. & Usmanov Mirkasyim A. Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban ali Khalidi. ANOR 11. – Berlin, 2001.

¹¹ Халид углы Курбангали. Таварих-и хамса-йи шарки. – Казан, 1910; History of Semipalatinsk by Qurban ali Khalidi // Frank Allen J. & Usmanov Mirkasyim A. Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban ali Khalidi. ANOR 11. – Berlin, 2001; Qurban ali Khalidi. An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe (1770-1912) / ed., translation and commentary A. J. Frank, M. I. Usmanov. – Brill-Leiden-Boston, 2005.

¹² Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством / пер. с немецкого И. Гилязова. – Казань, 2008; Frank Allen J. Muslim Religion Institutions in Imperial Russia: The Islam World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780-1910. – Leiden-Boston-Koln, 2001.

Ч.Ч. Валиханов, предлагавший еще в начале 60-х гг. XIX в. изъять казахов из ведомства ОМДС, которое ученый рассматривал как совершенно чуждое для местного населения учреждение¹³. Член Русского географического общества, юрист Б. Каратаев, анализируя итоги изъятия казахов из ведомства ОМДС, писал, что данная реформа – это откровенный политический проект империи. Считая идею исламизации казахов со стороны татар, в противоположность Ч.Ч. Валиханову, очень преувеличенной, он заявлял, что реформа Духовного собрания, как ограничительная мера, породила только обратный эффект – рост числа нелегальных мечетей, духовных лиц¹⁴. Другой представитель казахской интеллигенции, лидер движения «Алаш», А. Букейханов, был сторонником идеи образования самостоятельного муфтиата для казахов¹⁵.

В советский период меры по построению атеистического общества, общий дух идеологической борьбы самым непосредственным образом отразились на качестве научных исследований. Целая серия трудов, посвященных исламу в Волго-Уральском регионе и Казахской степи, в которых в той или иной степени отражалась деятельность ОМДС, появилась в 1930-е гг. Классовый подход, с помощью которого авторы излагали историю мусульманских институтов, привел их к необходимости признать муфтиат, *улемов* «орудиями» имперского центра. Сам же этот центр на протяжении практически всего периода XIX в. с помощью духовных служителей в своих целях воздействовал на местное население. Влияние татарских мулл на Казахскую степь рассматривалось исключительно как реакционное. Они объявлялись одновременно «агентами» режима и «рассадниками» религиозного фанатизма¹⁶. В несколько ином ключе были написаны работы Дж. Валиди и Л. Климовича. Дж. Валиди, объясняя причины образования ОМДС, ошибочно отметил, что казахи не находились под контролем этого учреждения¹⁷. В работе Л. Климовича, несмотря на типичные для этого времени идеологические штампы, привлечено большое

¹³ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи / Ч.Ч. Валиханов. Избранные произведения. Серия: Библиотека казахской этнографии. Т. 1. – Астана, 2007. – С. 84-85.

¹⁴ Каратаев Б. Обзор материалов из истории колонизации казахского края в связи с восстанием казахов Оренбургского края в 1869 г. и в начале 1870-х гг. – Алматы, 2006. – С. 25-40.

¹⁵ Эту позицию разделяли и другие представители алашского движения. См.: Письмо М. Танышпаева председателю Совета Министров (18 февраля 1905 г.) // Хрестоматия по истории Казахстана. 1900-1945 / сост.: Козыбаев М.К., Козыбаев И.М. – Алматы, 1994. – С. 5-10; Букейханов А. Қазақта муфтилік мәселесі; Бөкейліктердің муфтилікте қалуы // А. Букейхан. Полное собрание сочинений. 1889-1903. Т. 1. – Астана, 2009. – С. 418-421, 459-460.

¹⁶ Ишемгулов Б. Урыс самодержавиясе һәм мәселман диния нэзарәте. – М., 1930; Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – М., 1931; Мозаффар З. Ишаны-дервишы. – Казань, 1930.

¹⁷ Валиди Дж. Очерки истории образованности и литературы татар. – М., Пг., 1923. – С. 19-20.

количества документальных источников, сделана попытка выйти на уровень сравнительного анализа мусульманских институтов в Российской империи¹⁸.

Серьезные академические исследования в 1930–40-е гг. осуществлял М.П. Вяткин. В частности, он показал, что ОмДС в лице его муфтия Мухаммеджана Хусейнова и указных мулл периодически привлекалось правительством для выполнения дипломатических поручений в Казахской степи¹⁹.

В 1950–80-е гг. наблюдался спад научного интереса к ОмДС и системе регулирования ислама у казахов. Появившиеся работы не внесли существенного вклада в методологию вопроса, а только прояснили некоторые детали и в целом сохранили обзорный характер²⁰.

Постсоветский период ознаменовался появлением большого числа исламоведческих исследований. Отказ от устоявшихся стереотипов, национальное возрождение в республиках бывшего СССР, широкий доступ к архивам, поиск новых оригинальных научных идей способствовали выведению проблематики функционирования ОмДС и системы регулирования ислама в Российской империи на новый уровень.

Работы, вышедшие в Российской Федерации за последние двадцать с лишним лет, мы условно можем разделить на несколько групп: 1) издания обобщающего характера, которые, как правило, рассматривают ситуацию в масштабе ряда регионов Российской империи и в большом хронологическом интервале; 2) специальные исследования, посвященные определенным правительственным институтам, ОмДС или конкретным регионам; 3) работы, изучающие отдельные аспекты государственной политики по отношению к исламу и некоторые направления деятельности ОмДС, других имперских учреждений; 4) историко-философские междисциплинарные издания, обогащающие науку новым концептуальным языком.

Из работ первой группы главным является исследование Д.Ю. Арапова. Основная проблема, которую затронул московский историк, – это насколько создаваемая сеть учреждений, контролировавших ислам, в реальном итоге соотносилась с ситуацией в регионах и отвечала интересам высших властей? Д.Ю. Арапов приходит к выводу, что на протяжении всего имперского периода политика по отношению к мусульманам была противоречивой. Идеальной модели регулирования ислама государство не создало. При этом

¹⁸ Климович Л. Ислам в царской России. – М., 1936.

¹⁹ Вяткин М.П. Батыр Срым. – Алматы, 1998.

²⁰ Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. – Казань, 1979; Кульшарипов М.М. Открытие Духовного собрания мусульман в Уфе // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале (Дореволюционный период). – Уфа, 1988. – С. 43-47; Асфандияров А.З. Семья и брак у башкир в XVIII – первой половине XIX вв. – Уфа, 1989.

исследователь, вслед за другими историками²¹, признает, что создание ОМДС можно оценить как признание «официального статуса ислама и мусульман в многонациональной России»²². В работах Е.А. Вишленковой, В.С. Дякина, А.К. Тихонова, Р.Г. Ланды, Р.А. Силантьева рассматриваются общие тенденции взаимоотношений российского государства с миром ислама: проблемы веротерпимости, эволюция конфессиональной политики по отношению к мусульманам, проекты реформирования ОМДС в 60–70-е гг. XIX в.²³

Одновременно с поиском некоей общей модели в изучении взаимоотношений империи с ее мусульманскими подданными, систематизацией знаний по организации духовного управления происходит углубление конкретной исследовательской проблематики. Много специальных работ появилось в Татарстане и Башкортостане. Одно из таких исследований принадлежит Д.Д. Азаматову. В своей работе башкирский историк формулирует принципиально важные для нас выводы: 1) ОМДС не было четко структурированной организацией. Между ним и мусульманскими духовными лицами в регионах существовал большой разрыв; 2) Духовное управление в Уфе имело слабое влияние на ахунов и стремилось действовать через местные органы власти; 3) ОМДС в сознании мусульман стало гарантом веротерпимости в Российской империи, и реформа учреждения могла привести к нестабильности в мусульманском мире²⁴. А.Ю. Хабутдинов рассматривает ОМДС как общенациональный институт, объединивший мусульман Внутренней России и Сибири. Оренбургский муфтиат для него является предпосылкой в деле провозглашения в 1917 г. автономии (*Милли Идарэ*) «тюрко-татар мусульман Внутренней России и Сибири»²⁵. Казанский

²¹ Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа, 1999; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.

²² Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005. – С. 45, 218, 323. См. также: Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. материалов. – М., 2006.

²³ Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. – Саратов, 2002; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб., 1998; Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб., 2008; Силантьев Р.А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. – М., 2009; Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. – М., 2011. См. также: Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия (вторая половина XIX в. – 1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1999; Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая половина XIX в. – 1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004; Ибнеева Г.В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2007; Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Ислам и Россия. – М., 2004; Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX-XX вв. – М., 2010.

²⁴ Азаматов Д.Д. Указ. соч. – С. 189-192.

²⁵ Хабутдинов А.Ю. Три формы автономии мусульман Волго-Уральского региона: религиозная, национально-культурная, территориальная (конец XVIII – начало XXI в.) // *Pax Islamica* (Мир ислама). – 2010. – № 2. – С.160-174; Он же. Оренбургское магометанское духовное собрание как основополагающий общенациональный институт в 1788-1917 гг. // Там же. – 2010. – № 1. – С. 95-119. См. также: Хабутдинов

историк И.К. Загидуллин проанализировал политико-религиозные и социально-общественные аспекты адаптации мечетей в имперское политико-административное пространство, особенности реализации религиозных прав мусульман в присутственных, сословных и общественных органах²⁶.

Целая группа исследований была посвящена конфессиональной политике Российского государства в Волго-Уральском регионе. Авторов интересовали вопросы эволюции законодательства по отношению к исламу, взаимодействие ОМДС с местными мусульманскими институтами, проблемы борьбы государства с суфизмом и др.²⁷ Круг других работ сосредоточился исключительно на истории формирования и развития мусульманских общин, особенностях развития мусульманских институтов в отдельных регионах²⁸. Появились интересные опыты изучения деятельности высших правительственных учреждений Российской империи, которые периодически участвовали в регламентации мусульманских дел²⁹.

Некоторые российские исследователи обращались к специальному изучению эволюции конфессиональной политики Российской империи по отношению к исламу в Казахских степных областях. В контексте таких работ обсуждались проблемы образования и реформирования ОМДС. Так, омский историк А. В. Ремнев убедительно доказал, что «мусульманский вопрос» в

А.Ю. История ОМДС: люди, идеи, институты. – М., 2010; Он же. Российские муфтии от екатерининских орлов до ядерной эпохи. – Нижний Новгород, 2006.

²⁶ Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. – Казань, 2007; Он же. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань, 2006. – С. 162-231; Он же. Положение ислама в европейской части России и Сибири XVIII – начале XX в. (Исламское богослужение и мечети): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Казань, 2006; Он же. Казенные мечети на российско-казахском пограничье во второй половине XVIII в. // Shygys (Восток): научный журнал Института Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова НАН РК. – 2006. – № 2.

²⁷ Ислаев Ф.Г. Религиозная политика российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе: дис. ... д-ра. ист. наук. – Казань, 2005; Кадырметова Н.Н. Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX в. по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004; Гильмутдинов Д.Р. Ислам и государство в средневожском регионе России в 1870-1917 гг. (на материале Казанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005; Мифтахутдинова Д.Ш. Эволюция политики Российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая пол. XVI – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999; Гарипов Н.К. Политика российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2002; Абдрашитова А.Р. Деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания в 1889-1917 годах и его взаимоотношения с государственными органами власти: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001; Она же. Оренбургское духовное магометанское собрание как орган управления мусульман в XIX – начале XX веков // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2001. – № 1. – С. 49-53; Ногманов А. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI-XVIII вв. – Казань, 2002; Фархшатов М.Н. «Дело» башкирского шайха Зайнуллы Расулева: Царское правительство и суфизм. – Уфа, 2008.

²⁸ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999; Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). – М., 2011; Россия – Средняя Азия / С.Н. Абашин [и др.] Т. 1.: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. – М., 2011.

²⁹ Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. – М., 2007; Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). – М., 2010; Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России (1856-1904). – СПб., 2006.

Казахской степи был обусловлен множеством факторов, а сама политика государства по отношению к исламу на протяжении XIX в. претерпела существенную трансформацию, вобрав в себя целый спектр имперских проблем³⁰. В диссертационном исследовании А. Быкова рассматриваются этапы эволюции конфессиональной политики Российской империи в Казахской степи. Он признает, вслед за А. Каппелером, что отношение к исламу у российских властей было амбивалентным, постоянно сосуществовали прагматическая и агрессивная линии³¹. Изучение биографии второго оренбургского муфтия Габдессаляма Габдрахимова, проведенное оренбургским историком Д. Н. Денисовым, позволяет нам лучше понять контекст вовлеченности мусульманских *улемов* в казахско-русские отношения на рубеже XVIII–XIX вв.³² Проблема легитимности оренбургских муфтиев в глазах мусульманского сообщества была поднята Г.Г. Идиятуллиной³³.

Получили разработку темы реализации норм мусульманского права и функционирования мусульманских институтов в округе ОМДС. Комплексное исследование по функционированию шариата в округе Оренбургского магометанского духовного собрания осуществил И.А. Мухаметзарипов. Он пришел к выводу, что нормы мусульманского права в Российской империи в целом отвечали интересам как государства, так и мусульманских общин, потому что обе стороны стремились к бесконфликтному сосуществованию³⁴. Казанский историк Д.М. Усманова изучила проблему метрикации мусульманского населения³⁵. Условия образования и функционирования *махалли*, мечетей и мусульманского ритуала рассматривали И.К. Загидуллин, Д.Н. Денисов, З. Махмутов, А. Кобзев, А.Ю. Хабутдинов³⁶. В исследованиях

³⁰ Ремнев А. В. Российская империя и ислам в казахской степи (60-80-е годы XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. / отв. ред. С.Н. Абашинов, В.И. Бушков. – Вып. 32. – Москва, 2006. – С. 238-277.

³¹ Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества: дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2006. – С. 285.

³² Денисов Д.Н. Биография муфтия Габдессаляма Габдрахимова в свете новых исторических источников // Фаизхановские чтения. Мат-лы пятой ежегодной науч. – практ. конф. – Нижний Новгород, 2009. – С. 75-79.

³³ Идиятуллина Г.Г. Абу Наср Курсави и среднеазиатские истоки татарской общественной мысли конца XVIII – начала XIX вв. (по материалам трактата «ал-Иршад ли-л- ибад»): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2001. – С. 91.

³⁴ Мухаметзарипов И.А. Особенности функционирования норм шариата в мусульманском сообществе России в конце XVIII – XX вв.: дис. канд. ист. наук. – Казань, 2010. – С. 18.

³⁵ Усманова Д. М. Механизм реализации норм мусульманского права в Российской империи: к вопросу о метрикации мусульманского населения Волго-Уральского региона в XIX – первой четверти XX вв. URL: <http://www.tataroved.ru> (дата обращения 18.01.2010).

³⁶ Загидуллин И.К. Пятивременные и соборные (джамии) мечети в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): Мат-лы всерос. науч. – практ. конф. (25 апреля 2006 г., г. Казань). – Казань, 2006. – С. 93-123; Он же. Особенности структурирования мусульманского молитвенного дома в общеимперское правовое пространство // Там же. – С. 124-150; Он же. Молитвенные собрания как публичные мероприятия // Там же. – С. 151-169; Денисов Д.Н. Мусульманские молитвенные дома в промышленных поселках Южного Урала (конец XIX – начало XX

были затронуты вопросы мусульманской благотворительности, образования, религиозно-политические аспекты надзора за мусульманскими духовными лицами³⁷.

Среди работ междисциплинарного характера видное место занимает трехтомник М.А. Батунского³⁸. В своем исследовании автор отобразил уникальную картину взаимодействия России и мира ислама как динамически трансформировавшихся социокультурных и политических акторов³⁹. В коллективной монографии сотрудников Института философии РАН делается анализ имперского, миссионерского и интеллектуального дискурсов на ислам в Российской империи⁴⁰.

В казахстанской исторической науке проблематика, связанная с определением места ОМДС в религиозной и общественно-политической жизни населения Казахских степных областей, изучением внутреннего контекста (так называемый исламский дискурс), имевшего влияние на структурно-функциональные сдвиги в отношениях между центральными и региональными властями с местными мусульманскими сообществами, была разработана фрагментарно. Исследователи, как правило, склонны рассматривать общие вопросы: конфессиональную политику Российской империи, функционирование мусульманских институтов, развитие мусульманского образования и миссионерства РПЦ⁴¹. В работах А.М. Нургалиевой нашли отражение важные стороны институционализации

в.) // Вестник ЧелГУ. – История. – Вып. 36. – 2009. – № 37. – С. 137-141; Он же. Ваффы на территории Оренбургского края // Источники существования мусульманских институтов в Российской империи. Сб. статей. – Казань, 2009. – С. 44-69; Махмутов З. Татары Северо-казахстанской области: история, культура, идентичность. – Казань, 2011; Он же. Мечети Петропавловска // Татарские мусульманские приходы Российской империи: Мат-лы науч. – практ. конф. (25-28 сентября 2005 г. г. Казань). – Казань, 2006. – С. 259-261; Кобзев А. Мусульманская община как центр организации обучения и воспитания (по материалам Симбирской губернии второй половины XIX - начала XX вв.) // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): Мат-лы всерос. науч. – практ. конф. (25 апреля 2006 г., г. Казань). – Казань, 2006. – С. 225-239; Хабутдинов А.Ю. Татарская махалля эпохи Оренбургского магометанского духовного собрания в структуре нации // Татарские мусульманские приходы Российской империи. Мат. науч. – практ. конф. (25-28 сентября 2005 г. г. Казань). – Казань, 2006. – С. 183-190.

³⁷ Загидуллин И.К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах Европейской части России и Сибири (XIX – начало XX вв.) // Источники существования мусульманских институтов в Российской империи. Сб. статей. – Казань, 2009. – С. 70 –104; Абзалетдинова А. Религиозно-политические аспекты управления и взаимодействия мусульманского духовенства в Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Мат-лы всерос. науч. – практ. конф. (25 апреля 2006 г., г. Казань). – Казань, 2006. – С. 253-266.

³⁸ Батунский М.А. Россия и ислам. Т. 1-3. – М., 2003.

³⁹ Там же. Т. 2. – С. 39-40, 134, 274.

⁴⁰ Бессмертная О.Ю., Журавский А.П., Смирнов А.В., Федорова Ю.Е., Чалисова Н.Ю., Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема. – М., 2010.

⁴¹ Тасмагамбетов А.С. История конфессий Казахстана в конце XVIII – начале XX вв.: распространение, организационное развитие и миссионерство (по материалам ислама и православия): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Уральск, 2009; Раздыкова Г.М. Этнический компонент в мусульманском образовании казахов степного края в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Павлодар, 2007; Толепбергени М.Т. Мусульманское движение в Западном Казахстане и Южном Урале: особенности и тенденции взаимодействия (конец XIX и начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Актобе, 2010.

ислама среди казахов в период вхождения в состав Российской империи: нормативно-правовые, организация духовного управления, взаимодействия мусульманских общин с институтами управления⁴². Попытку найти связь между государственной политикой по отношению к исламу и деятельностью ОМДС в Казахской степи осуществила Р.Т. Айтбаева. Она показала, что несмотря на опеку административных учреждений и сдерживание государством роста мусульманских институтов во второй половине XIX в., муфтиат периодически отстаивал интересы мусульманских общин. Исследователь признает, что эти меры, как правило, не имели успеха⁴³.

Ряд серьезных исследований реализовала Г.С. Султангалиева. Она подробно проанализировала характер политических и этноконфессиональных взаимодействий на российско-казахском пограничье на рубеже XVIII–XIX вв. Ей удалось доказать, что процессы отправки мулл к казахской знати, открытие мечетей были не только институционально, но и хаотически обусловлены. Поэтому определить степень вовлеченности тех или иных учреждений (Оренбургская пограничная комиссия, ОМДС) в реализацию конфессиональных мероприятий достаточно сложно⁴⁴.

Изменение статуса ОМДС в ходе эволюции российской конфессиональной политики нашло отражение у Т.А. Каримова⁴⁵. А.К. Алитурлиева, В.З. Галиев, Ж.Е. Нурбаев занимаются изучением деятельности указных мулл в Казахских степных областях, влиянием татар на развитие образования, реконструкцией биографий мусульманских *улемов*, условиями открытия и функционирования мечетей⁴⁶.

⁴² Нургалиева А.М. Очерки по истории ислама в Казахстане. – Алматы, 2005; Она же. О влиянии правительственной конфессиональной политики на процесс исламизации казахов в XVIII – XIX вв. // История народов России в исследованиях и документах. – Вып. 3. – М., 2009. – С. 135-161; Она же. Ислам в истории и культуре казахского общества (XVIII – начале XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Уральск, 2009.

⁴³ Айтбаева Р.Т. Государственная политика Российской империи по отношению к исламу в Казахстане в XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2006.

⁴⁴ Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов. – Уфа, 2002; Она же. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII - XIX вв.) // Вестник Евразии. – 2000. – № 4; Она же. Деятельность первого оренбургского муфтия Мухаммеджана Хусаинова в Казахской степи // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Мат-лы круглого стола. – Казань, 2011. – С. 148-159.

⁴⁵ Каримов Т.А. Политика Российского правительства и татарские муллы в северо-западных казахских землях (вторая половина XVIII - начале XX вв.) // Источники существования мусульманских институтов в Российской империи. Сб. статей. – Казань, 2009. – С. 144-162.

⁴⁶ Алитурлиева А.К. Деятельность указных мулл в Казахской степи (вторая половина XVIII – половина XIX вв.) // Вестник КазНУ. – Серия: историческая. – 2006. – №1. – С. 66-69; Султангалиева Г.С., Алитурлиева А.К. Оренбургское магометанское духовное собрание и оренбургская власть (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник КарГУ. – 2006. – № 2. – С. 23-29; Галиев В.З. Шариф Габдрахимов – ахун Среднего жуза казахов // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень. – М. – Нижний Новгород, 2009. – № 4. – С. 165-168; Он же. Участие татарских мулл в развитии образования среди казахов в 20-60-х годах XIX века (на материалах внешних окружных приказов) // Фаизхановские чтения. Мат-лы пятой ежегодной науч. – практ. конф. – Нижний Новгород, 2009. – С. 203-212; Нурбаев Ж.Е. Факторы и особенности развития ислама в Северном Казахстане // Отан тарихы

В зарубежной историографии произошла выработка важных ключевых идей позволяющих улучшить, прежде всего, методологический инструментарий нашего исследования. Так, американский историк А. Франк предлагает период конца XVIII в. называть «исламской трансформацией», которая может быть только частично понята как последствие российской политики, так как казахи были к этому времени уже достаточно исламизированы⁴⁷. В ходе анализа функционирования структуры духовного управления в Букеевском ханстве, ученый приходит к выводу, что в основных чертах она воспроизводила модель ОМДС. По мнению А. Франка, вплоть до смерти Джангир хана (ум. в 1841 г.) Букеевское ханство лишь номинально зависело от оренбургского муфтиата⁴⁸. Исследователю также удалось установить связь между образованием ОМДС и формированием региональных мусульманских идентичностей. А. Франк сначала на примере Волго-Уральского региона, а затем и восточной части Казахской степи показал, что представления о религиозных основах национальной и общественной идентичности были усилены после возникновения ОМДС. Ассоциативная связь с духовным управлением в Уфе позволяла различным обществам видеть себя, прежде всего, мусульманами⁴⁹. В целом вследствие миграции татаро-башкирского населения это представление было перенесено на казахские земли⁵⁰.

Благодаря фундаментальному труду М. Кемпера в постсоветском исламоведении сложилось более цельное представление о месте исламского дискурса в отношениях разного уровня: между государством и мусульманскими сообществами, внутри исламских групп, миром ислама и мусульманами Российской империи. Обращение внимания на эти особенности позволяет понять: как формировались изоляционные и интеграционные тенденции в мусульманских обществах, какое место в жизни мусульман занимали имперские властные институты. На основе татарских источников немецкий востоковед дополнил картину отношений между первыми оренбургскими муфтиями и казахской элитой⁵¹.

(Отечественная история). – 2008. – № 3. – С. 96-107. См. также смежные работы: Садвакасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии. – Алматы, 2005; Касымбаев Ж. Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. – Алматы, 2004.

⁴⁷ Frank Allen J. Islamic transformation on the Kazakh Steppe, 1742-1917: Toward an Islamic history of Kazakhstan under Russian rule // The Construction and deconstruction of national histories in Slavic Eurasia / Ed. Tadayuki Hayashi. – Sapporo, 2003. – P. 262-263.

⁴⁸ Frank Allen J. Muslim Religion Institutions in Imperial Russia: The Islam World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780-1910. – Leiden-Boston-Koln, 2001. – P. 287-288.

⁴⁹ Frank Allen J. Islamic historiography and «Bulghar» identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. – Leiden-Boston-Koln. 1998. – P. 42.

⁵⁰ Qurban Ali Khalidi. An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe (1770-1912) / ed., translation and commentary A. J. Frank, M. I. Usmanov. – Brill-Leiden-Boston, 2005. – P. 18-19.

⁵¹ Кемпер М. Указ.соч.

Дискуссионным признается исследование Роберта Круза. Главный тезис его работы заключается в том, что активное участие властей в религиозной жизни мусульман формировало в глазах последних образ имперского государства как «потенциального инструмента воли Бога» (Аллаха), верховного арбитра законности и границ соблюдения «ортодоксального» ислама. Административные институты, в том числе и ОмДС, должны были всеми силами поддерживать такое представление. Признавая, что оренбургский муфтиат имел слабые связи с мусульманскими общинами, Р. Круз показывает, что мусульмане могли не доверять духовному управлению в Уфе и направлять иски к провинциальным и центральным властям, не избегая обращений прямо к царю⁵². Чарльз Стейнведель попытался объяснить причины снижения роли муфтием в осуществлении государственной политики по отношению к казахам во второй четверти XIX в.⁵³

Дискуссию о легитимации ОмДС поднял Стефан Дюдуаньон. По его мнению, Духовное собрание было воспринято в Казахских степных областях как «русское» и «татарское», т.е. чуждый местному менталитету аппарат. Несмотря на то, что ОмДС стремилось получить какой-либо номинальный контроль над степью, сами же местные мусульманские чиновники активно блокировали такую перспективу и обсуждали альтернативные проекты⁵⁴. Пол Верт, работая на обширном этноконфессиональном материале, пришел к интересным наблюдениям: 1) Россия к середине XIX в. стала «страшным» гибридом, который сочетал одновременно несколько моделей государственной организации: традиционной династической, неполного национального государства и современной колониальной империи; 2) Религиозная структура и иерархия у мусульман были созданы по образцу османской и РПЦ; 3) Отношения между государством и исламом в первой половине XIX в. были далеки от враждебности или фундаментальных антагонизмов. Понятие «мусульманский фанатизм» было активно артикулировано в политическую плоскость только в середине XIX в.; 4) МВД делало сравнительно мало, чтобы обеспечить соблюдение эффективного функционирования системы регулирования ислама. Многие инициативы,

⁵² Crews Robert D. For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia.– Cambridge, Massachusetts, London, England. 2006. – P. 14, 20, 26, 95.

⁵³ Steinwedel Charles. How Bashkiria became part of European Russia, 1762-1881 // Jane Burbank, Mark von Hagen, and Anatolyi Remnev, eds. Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930. – Indianapolis, 2007. – P. 102.

⁵⁴ Dudoignon Stephane A. Status, strategies and discourses of a Muslim “cleergy” under a Christian law: polemics about the collection of the zakat in late Imperial Russia // Islam in politics in Russia and Central Asia, early 18-th – late 20-th centuries / ed. Stephane A. Dudoignon and Hisao Komatsu. - London – New York, 2001. – P. 59.

которые обсуждали петербургские чиновники, так и не были претворены на практике⁵⁵.

Отдельные вопросы, связанные с образованием ОМДС, реализацией конфессиональной политики на казахско-русском пограничье, соотношении норм *адата* и *шариата* в имперском дискурсе были рассмотрены в исследованиях Айши Рорлих, Роберта Джераси, Вирджинии Мартин, Аллана Фишера⁵⁶.

Объектом диссертационного исследования стало Оренбургское магометанское духовное собрание, выступавшее в роли посреднического звена между всеми уровнями институтов государственного управления и интересами мусульманских общин в Российской империи⁵⁷.

Предметом исследования является деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания в системе регулирования общественно-политической и религиозной жизни мусульман Казахской степи.

Хронологические рамки. Исследование охватывает период с 80-х гг. XVIII в. по 1860-е гг. Нижняя хронологическая граница связана с активизацией российской конфессиональной политики по отношению к казахам степных областей. В 1782–85 гг. были изданы правительственные постановления об отправке татарских мулл в Казахскую степь и открытии мечетей на приграничных территориях. Следующим событием в конфессиональных мероприятиях Российской империи стало учреждение ОМДС в 1788 г. С этого времени центральная и местная администрация предпринимали попытки осуществлять контроль над мусульманскими институтами у казахов, а оренбургский муфтиат первоначально стремились использовать в качестве дипломатического учреждения. Верхние хронологические рамки диссертации определяются изъятием казахов из ведомства ОМДС в 1868 г., сменой правительственного курса по отношению к исламу в степных областях, серией административно-политических преобразований, определявших новый статус казахских земель в составе Российской империи.

⁵⁵ Werth Paul W. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-kama Region, 1827-1905. - Ithaca-London, 2002. – P. 12, 123, 177-178, 180; Верт П. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – Москва, 2005. – С. 66-67.

⁵⁶ Rorlich Azade-Ayse. The Volga Tatars: A profile in national resilience. – Stanford, 1986; Geraci Robert P. Window on the East. National and imperial identities in late tsarist Russia.- Ithaca, London, 2001; Fisher Alan W. Enlightened despotism and islam under Catherine II // Slavic Review. – 1968. – Vol. 27. – No. 4; Martin V. Kazakh Oath-Taking in colonial courtrooms legal culture and Russian Empire-Building // Orientalism and empire in Russia / ed. by Michael David-Fox, Peter Holquist, Alexander Martin. – Bloomington, IN., 2006.

⁵⁷ В ведомство ОМДС не входили только Кавказ и Крым.

Территориальные границы исследования локализованы так называемыми степными областями⁵⁸, которые входили в округ ОмДС. Это Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области. Вместе с этим мы признаем, что принятая в диссертации за основу географическая терминология является условной, так как изучаемая территория периодически меняла свое административное подчинение. С конца XVIII в. и вплоть до отмены ханской власти у казахов в 1822-24 гг., в российском политическом лексиконе территория современного Северного, Центрального, Западного и Восточного Казахстана обозначалась как Младший и Средний жуз. Хотя уже в это время часть приграничных земель входила в прямое российское административное подчинение. Например, Петропавловск был в составе Тобольской губернии, а Семипалатинск являлся частью Томской губернии⁵⁹. В 20-е гг. XIX в. рассматриваемые нами регионы вошли в состав Областей оренбургских и сибирских киргизов (казахов) Оренбургского и Сибирского (с 1822 г. – Западно–Сибирского) генерал–губернаторств. Это деление сохранилось вплоть до 1868 г., когда за изучаемым нами пространством закрепилось новое название – степные области. Также в округ ОмДС входили земли Букеевского ханства⁶⁰, которое было образовано в 1801 г. в междуречье Волги и Урала.

Цель настоящей работы – изучить особенности влияния ОмДС на общественно–политическую и религиозную жизнь мусульман Казахских степных областей. Она реализуется путем решения следующих **задач**:

– выявить, каким образом изменения в общественно-политической жизни Российской империи отразились на регулировании правового статуса мусульман Казахских степных областей в конце XVIII – первой четверти XIX вв.;

– проанализировать исторические тенденции развития мусульманских институтов у казахов и определить факторы легитимации ОмДС;

– проследить особенности включения ОмДС в программу реализации региональной политики в Казахской степи;

– рассмотреть характер и специфику взаимодействия ОмДС с центральными, региональными властями и местной казахской

⁵⁸ Также мы считаем приемлемым использовать в диссертации понятие – Казахская степь, которое является релевантным по своему смыслу административным границам, т.е. степным областям.

⁵⁹ В 1869 г. г. Петропавловск был выведен из состава Тобольской губернии и присоединен к Акмолинской области. В 1854 г. была образована самостоятельная Семипалатинская область с центром в г. Семипалатинск.

⁶⁰ В политическом лексиконе и литературе распространение получило и другое название Букеевского ханства – Внутренняя Орда.

администрацией в вопросах утверждения и отстранения мусульманских духовных лиц, строительства или закрытия культовых зданий, разбора исков;

– определить грани исламского и имперского дискурсов через эволюцию конфессиональной политики Российского государства, изучение взаимодействий внутри мусульманского сообщества, соотношение интересов мусульманских общин, казахских социальных групп с совокупностью факторов, определявших конфессиональную политику империи;

– выявить общее и особенное в подходах правительства, оренбургской и сибирской администрации, мусульманских религиозных и общественных деятелей, представителей официальной Русской православной церкви (РПЦ) к проблеме изъятия казахов из ведомства ОМДС и рассмотреть формирование новых концепций регулирования ислама.

Источниковая база диссертации включает документы двадцати одного фонда семи архивов и рукописных коллекций библиотек: Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПб ИИ РАН), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Исторического архива Омской области (ИАОО), отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), отдела рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского федерального университета им. Н.И. Лобачевского (ОРРК НБ КФУ); а также опубликованные материалы. Используемые источники можно разделить на несколько групп: законодательные акты и нормативно-правовые документы; материалы делопроизводства; источники личного происхождения; статистические данные; историко-этнографические описания; материалы периодической печати; введенные в научный оборот и опубликованные рукописи, а также заметки местных татарских и казахских религиозных деятелей; произведения художественной литературы.

К законодательным актам, в первую очередь, относятся, исходившие от правительства и утверждавшиеся императором указы Сената, Комитета министров и Министерства внутренних дел. В ряд специфических документов входят уставы: «Устав Департамента Духовных дел иностранных исповеданий», «Устав Оренбургского магометанского духовного собрания», «Устав строительный». Комплекс этих источников дополняют кодексы и их проекты, которые в основном вырабатывались местной управленческой администрацией и являлись основными законодательными документами,

регулировавшими административно-политическое, социально-экономическое и духовное устройство в Казахских степных областях⁶¹. Не утвержденные кодексы, также могли использоваться как нормативно-правовая основа для регламентации мусульманских институтов. Например, «Проект положения о компетенции Духовного магометанского собрания», составленный в 1789 г. Симбирским и Уфимским наместником О.А. Игельстромом. Хотя он не был утвержден в Петербурге, тем не менее использовался Духовным собранием как нормативный акт⁶². К особому подвиду относятся нормативно-правовые документы и подзаконные акты, которые включают распоряжения губернаторов, циркуляры, предписания МВД и ОМДС. Усиление власти губернаторов и необходимость мобильного принятия решений приводили к тому, что в ряде случаев их распоряжения приобретали форму действующего нормативно-правового руководства⁶³.

Материалы делопроизводства представляют самый обширный и массовый вид источников по рассматриваемой нами проблеме. К ним относятся прошения, рапорты, иски, записки, особые мнения, материалы работы комиссий и комитетов, законодательных органов государства, межведомственная переписка, журналы заседаний (мемории) ОМДС, дела об утверждении мусульманских духовных лиц и назначении их к мечетям. Наиболее информативной частью этих документов являются отчеты губернаторов и министров внутренних дел. В них содержатся подробные сведения о состоянии духовного управления в регионах, положении мусульманских институтов, а также описываются текущие проблемы и предлагаются меры по регламентации ислама.

Из источников личного происхождения нами использовались дневники, письма, журналы, личные наблюдения оренбургских муфтиев. Особенно ценны журнал и переписка с казахской элитой первого муфтия Мухаммеджана Хусейнова⁶⁴, дневник второго муфтия Габдессаляма Габдрахимова⁶⁵, путевые заметки муфтия Галимджана Баруди⁶⁶. Большой интерес имеют письма, исходившие от российских чиновников, религиозных и общественных деятелей, которые позволяют представить личный и

⁶¹ См.: «Устав об управлении сибирскими киргизами» (казахами) 1822 г., «Устав об управлении оренбургскими киргизами» (казахами) 1824 г., «Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. // Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. – Алма-Аты, 1960.

⁶² «Проект положения о компетенции Духовного магометанского собрания» 1789 г. // Навеки с Россией. Сб. документов и материалов. В 2 ч. Ч.1. – Уфа, 2007. – С. 117-119.

⁶³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 602. Л. 6 об; Навеки с Россией... С. 342.

⁶⁴ Журнал оренбургского муфтия // Исторический архив. – 1939. – Т.2.

⁶⁵ Габдессалам мофти. Хәтер дәфтәре / Төзүче, иске татар теленнән күчерүче һәм сүз башы язучы Мәсгуд Гайнетдин. – Казан, 2002.

⁶⁶ Галимжан Баруди. Кызыльяр сәфәре. – Казан, 2004.

эмоциональный фон конфессиональной проблематики. Представления о состоянии организации духовного управления, истоках многих законодательных и административных решений складываются на основе воспоминаний, дневников высших и региональных чиновников.

Статистическая часть в основном представлена сведениями о количестве мечетей, медресе, мусульманских духовных лиц и мусульманского населения. Эти данные отражались с 1829 г. на страницах журнала Министерства внутренних дел. Дополнительную информацию такого характера мы также можем извлечь из отчетов губернаторов, списков мусульманских общин, которые велись в ОМДС. Однако, несмотря на большое разнообразие статистических источников, более или менее полные сведения о состоянии мусульманских институтов обнаруживаются только ближе к середине XIX в. Дело в том, что статистическая программа, составленная в МВД для неправославных конфессий в 1835 г., не получила на территории Казахских степных областей быстрого продвижения. Первые статистические комитеты у казахов появились только во второй половине XIX в., а ОМДС, которому вменялось в обязанность обеспечивать МВД основной статистической информацией по духовной части, не имело возможности осуществлять инспекции в Казахских степях, а также выносить окончательные решения по делам об открытии мечетей и назначениях духовных лиц. Поэтому в итоговых документах статистические данные отсутствовали за некоторые периоды или были значительно искажены. Тем не менее, реконструкция численности мусульманских институтов возможна на основании использования параллельных источников. Например, переписка ахунов и имамов с ОМДС, исторические записки местных *улемов*, обзоры путешественников, чиновников, данные специальных комиссий и экспедиций⁶⁷. Важной частью статистических материалов, которые помогают нам проанализировать эффективность деятельности ОМДС, являются сведения о движении делопроизводства в этом учреждении. Они отложились в РГИА в фонде Департамента Духовных дел иностранных исповеданий (ф. 821).

К историко-этнографическому разряду источников отнесены материалы научных и путевых наблюдений, которые фиксируют наличие в Казахской степи разнообразных мусульманских институтов, производят анализ религиозной ситуации в целом. Эти данные в основном почерпнуты

⁶⁷ См.: Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 1-3. – СПб., 1854; Военно-статистическое обозрение Российской империи: Киргизская степь Западной Сибири. – СПб., 1852; Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды. – СПб., 1848.

нами из работ участников второй академической экспедиции (И.Ф. Фальк⁶⁸, И.Г. Георги⁶⁹, П.С.Паллас), научного отчета востоковеда В.В. Вельяминова-Зернова⁷⁰, наблюдений А.И. Левшина⁷¹, Н. П. Рычкова⁷² и др.

Из материалов периодической печати нас, прежде всего, интересуют публицистические заметки по актуальным вопросам отношения государства к исламу и организации духовного управления мусульман, которые отражались на страницах российских изданий: «Мир ислама», «Восточное обозрение», «Вестник Европы», «Современник», «Русский архив», «Томские епархиальные ведомости», «Русский вестник» и др. К специальному разряду публицистических источников мы относим материалы татарской периодики, где нашли отражение биографические заметки об оренбургских муфтиях, исторические сведения, обсуждение последствий изъятия казахов из ведомства ОМДС, статистические данные о состоянии мусульманских общин. Нами использовались журналы «*Шура*», «*Мэгълумат мэхкамәи шәрғыя Оренбургия*» и газета «*Вақыт*».

Исключительную важность для изучения взаимоотношений мусульманских общин и государства, вопросов легитимности ОМДС в Казахских степных областях представляют недавно опубликованные рукописи и заметки местных татарских и казахских религиозных деятелей. В первую очередь, это наследие известного этнографа и имама Чугучака Курбан Али Халиди, представленное в виде неозаглавленной рукописи по истории мечетей Семипалатинска⁷³ и свода биографических данных по мусульманским деятелям Казахской степи и Восточного Туркестана⁷⁴. Сведения Курбан Али Халиди дополняет история мечетей Семипалатинска ахуна Ахмад-Вали ибн Али ал-Казани⁷⁵.

Произведения художественной литературы служат своеобразным средством социальной рефлексии той или иной эпохи. Так, различные жанры татарской поэзии отображают общественное мнение, чаяния тех социальных групп, выходцами из которых были авторы произведений. Благодаря

⁶⁸ Записки путешествия академика И.Ф. Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. – СПб., 1824.

⁶⁹ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1–3. – СПб., 1776-1799.

⁷⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабско-татарскою надписью в Башкирии // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. – 1859. – Ч. 4.

⁷¹ Левшин А.И. Указ. соч.

⁷² Рычков Н. П. Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г. – СПб. 1772.

⁷³ History of Semipalatinsk by Qurban ali Khalidi // Allen J. Frank & Mirkasyim A Usmanov. Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban ali Khalidi. ANOR 11. – Berlin, 2001.

⁷⁴ Qurban-Ali Khalidi. An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe (1770-1912)/ Ed., translation and commentary A. J. Frank, M. I. Usmanov. – Brill-Leiden-Boston, 2005.

⁷⁵ History book of the City of Semipalatinsk by Akhund Ahmad-Wali b. Ali al-Qazani // Allen J. Frank & Mirkasyim A Usmanov. Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban ali Khalidi, ANOR 11. – Berlin, 2001.

творчеству Абд ар-Рахима ал-Булгари (Утыз-Имяни, 1754-1835)⁷⁶ и Валида ибн Мухаммад Амин Каргали (ум. 1802/1803)⁷⁷ складывается представление о неоднозначности образа первого оренбургского муфтия и муфтиата в целом, что было обусловлено противоборством различных религиозных и политических взглядов. Произведения 'Умара ибн Мухаммада из Каргалы'⁷⁸, Абу л-Маниха ал-Каргалы⁷⁹, песня алашинца Байтоки на смерть Джангир хана⁸⁰ позволяют проследить развитие жанра панегирической литературы, в которой выражались чаяния об идеальном мусульманском правителе, осуществлялся призыв к лояльности государству через возвеличивание муфтия Габдессаляма Габдрахимова. Легенды, исторические предания, идейно-тематически обновленные в XVIII – XIX вв., являются ключом к пониманию контекста формирования различных слухов и недомолвок⁸¹, которые складывались вследствие превратно истолкованной информации о последствиях присоединения казахских земель к Российской империи, изъятии казахов из ведомства ОмДС, некоторых реформ правительства.

Теоретико-методологической основой диссертации являются принципы цивилизационного и институционального подходов. Цивилизационный подход позволяет рассматривать культуру как уникальное самобытное явления во взаимосвязи с другими явлениями. Институциональный подход объясняет условия существования общества и его сфер через призму становления и развития социальных институтов, поэтому ОмДС рассматривается в контексте системы регулирования ислама в Российской империи, которая включала иерархию учреждений и эволюцию форм взаимоотношений между официальными государственными институтами и мусульманскими сообществами.

В диссертации используется комплекс общенаучных методов: анализ, синтез, дедукция, индукция. Наряду с ними применяется метод case study, который позволяет нам раскрыть специфику взаимоотношений мусульманских институтов с ОмДС, региональными и центральными властями через изучение конкретных ситуаций.

Из междисциплинарных методов в диссертации получил применение дискурсивный анализ. Этот метод позволяет понять историческую и

⁷⁶ Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX века. – Казань, 1975. – С. 81.

⁷⁷ Идиятуллина Г.Г. Указ. соч. – С. 91.

⁷⁸ Гомэр Мөхәммәд. Тәржемәи Габдессәлам мөфти. Сәфәрнамәи шаһзадә Александр. – Казан, 2002.

⁷⁹ Гайнетдинов М. Әбелманих Каргалый. – Казан, 1975; Каргалый А. Тарджама-и Хаджи Абу л-Маних ал-Бистави ас-Са'иди. – Казан, 1845.

⁸⁰ Песня алашинца Байтоки на смерть Джангера (публикацию подготовил А.Е. Алекторов) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1897-1898. – Т. 14. – В. 5. – С. 688-689.

⁸¹ См., например: Аничков М.В. Киргизский батыр Джанходжа Нурмухамедов // Там же. 1894. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 232.

культурную обусловленность социального мира, сферы которого возникают и развиваются на основе категоризации, конструирования пространства и форм социальных отношений. В работе активно используются понятия имперский и исламский дискурс. Под имперским дискурсом мы понимаем набор и реализацию в практическую плоскость закрепленных в официальной идеологии, общественном сознании представлений об исламе и его институтах. Исламский дискурс определяется, вслед за немецким востоковедом М. Кемпером, как устойчивое внутреннее коммуникативное пространство, познающее себя и отражающее внешний мир через специфические формы знаний, мнений и отношений. В данном случае империя и ее институты рассматриваются как конструкты, накладывающиеся на мусульманскую реальность, которая, с одной стороны, может игнорировать административные распоряжения и отгородиться от активной имперской жизни, с другой, частично адаптироваться к новым условиям, и, в-третьих, попытаться использовать имперские институты для достижения интересов мусульманской общины в общем, и отдельных ее членов в частности.

В ходе исследования были использованы и специальные исторические методы: сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический. В этом комплексе нашел применение также просопографический анализ (с греч. – «описание личности»), который позволяет связать биографию с историей социальных институтов и длительными эволюционными процессами.

В работе использовались в целом аутентичные для региональной среды понятия и категории. Прямые экстраполяции не допускались. Так, в диссертации не употребляются выражения – официальный и народный ислам, которые были подвержены серьезной и справедливой критике в недавних исследованиях⁸². Признание равноправия региональных форм ислама требует использования таких категорий как ислам у казахов или региональный ислам, т.е. имеется в виду определенная специфика исторического развития местной традиционной культуры.

Употребление других понятий, которые встречаются в источниках разного вида и происхождения, требует осторожности. Поэтому не используется ряд терминов, пришедших из русскоязычных источников, во избежание перенесения категориального аппарата христианского религиозного культа на мусульманские институты (вместо духовенства –

⁸² См.: Privratsky Bruce G. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. – Richmond, Surrey, 2001; Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Култ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М., 2009.

улемы, мусульманский приход – *махалла*⁸³). Некоторые понятия, встречающиеся как в русскоязычных, так и в мусульманских текстах, не имеют четкой идентификации и используются нами в наиболее распространенных для них смыслах. Так, даже в мусульманских источниках XIX в. предпочтение отдавалось не татарскому названию главного духовного учреждения в Уфе – *Дини Махамасы* (Духовное собрание), а русифицированному варианту – Оренбургское духовное собрание⁸⁴. Как синоним терминов мечеть и молитвенный дом в диссертации используется понятие мусульманское культовое здание. Другой термин, требующий разъяснений, – это выражение *мулла*. В русских источниках данное понятие употребляется в собирательном смысле, не делается разграничений в иерархии мусульманских духовных лиц. Татарские нарративы более специфичны. Они разделяют *улемов* на имамов, хатыпов, муэдзинов и другие категории⁸⁵.

Научная новизна исследования определяется как оригинальностью поставленных задач, так и состоянием казахстанской, российской и зарубежной историографии, где влияние ОМДС на общественно-политическую и религиозную жизнь населения Казахских степных областей изучалось фрагментарно.

В исследовании высказывается ряд идей, позволяющих переосмыслить некоторые прежние историографические положения. Так, ОМДС не рассматривается как совершенно новое и уникальное явление в религиозной жизни казахов. В местной среде до образования муфтиата и параллельно с ним существовал опыт прохождения духовной инвеституры в центрах Средней Азии. Деятельность ОМДС анализируется одновременно через призму развития структуры учреждений и законодательства по регулированию ислама в Российской империи, эволюции конфессиональной и комплексной региональной политики, а также через призму развития местных представлений о мусульманских институтах, т.е. на основе широкого употребления сюжетов социальной истории.

⁸³ *Махалла* (с араб. – «перевалочная станция», «городской квартал») – рассматривается как часть пространства, где концентрируется мусульманское население со своей собственной мечетью и самоуправлением. В этом отношении *махалла* используется как более унифицированное выражение. Однако в местных сообществах существовали различные региональные эквиваленты. Например, *джамаат* (с араб. *джамаа* – «общество, община, собрание»).

⁸⁴ См. об этом подробнее: Frank Allen J. Muslim Religion Institutions in Imperial Russia: The Islam World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780-1910. – Leiden-Boston-Koln, 2001. – P. 104-105.

⁸⁵ Фактически те же имамы или муэдзины могли одновременно называться муллами, но эта приставка в данном случае обозначала не столько круг конкретных обязанностей, а больше почетное звание. См.: Frank Allen J. Ibid. – P. 108-109.

В научный оборот вводится большой корпус неопубликованных архивных материалов и небольшое число рукописных сочинений, отложившихся в редких и рукописных фондах библиотек.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих и специальных трудов, монографий и учебных пособий как исторического, так и историко-правового, социокультурного плана по истории ислама, истории России, конфессиональной политики на территории Российской империи. Поставленные в диссертации проблемы могут стать основой для расширения тематики исламоведческих изучений. Содержание диссертации может представлять интерес для работников государственных учреждений, общественных организаций, занимающихся вопросами регулирования отношений между государством и религией.

Апробация исследования. Основные положения работы и выводы диссертационного исследования нашли отражение в 21 публикации и представлены в выступлениях соискателя на региональных, Всероссийских и международных конференциях: «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность» (Омск–Караганда, Омск–Костанай, 2007, 2009 гг.), «Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития» (Екатеринбург, 2008 г.), «Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе» (Уфа, 2008 г.), «Катанаевские чтения» (Омск, 2008 г.), «Алаш и независимый Казахстан: преемственность идей и позиций» (Алматы, 2008 г.), «Парадигма современной науки глазами молодых» (Костанай, 2009 г.), «Алаш. Желтоқсан. Тәуелсіздік» (Костанай, 2009 г.), «Мир ислама: общество, история, культура» (М., 2010). Некоторые результаты исследования были озвучены на восьми региональных научно-образовательных семинарах, организованных при поддержке Института Открытого Общества (фонд Сорос) в городах Центральной Азии, России, Украины и Азербайджана, а также в ходе научной стажировки в университете Амстердама (Нидерланды).

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемых источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, формулируются цель и задачи, анализируется научная разработанность проблемы, раскрывается методология диссертации и характеризуется

источниковая база, определяются научная новизна и практическая значимость исследования.

В первой главе – «Мусульмане Казахских степных областей в имперском политико-правовом пространстве во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.» – анализируются особенности формирования административно-политических, правовых и конфессиональных условий для осуществления Российской политики по отношению к исламу, рассматриваются основные тенденции включения ОМДС в процесс казахско-русских отношений на рубеже XVIII–XIX вв.

В первом параграфе – «Правовое положение мусульман в Российской империи и образование Оренбургского магометанского духовного собрания» – исследуется влияние факторов внутреннего и внешнеполитического характера на изменение правительственного курса по отношению к мусульманам Российской империи в целом, и к населению Казахских степных областей в частности; освещаются особенности взаимодействия ОМДС с центральными и региональными аппаратами российского административно-политического управления.

В 1764 г. произошло закрытие Конторы новокрещенских дел, в 1767 г. была созвана Уложенная комиссия, в 1773 г. принят указ о веротерпимости, а в 1789 г. открыто ОМДС. Реорганизуя свою политику, прежде всего, в прагматических целях империя стремилась улучшить правовое положение мусульман, распространяя на них привилегии российского дворянства, торговые льготы, возможность учиться в российских учебных заведениях, пользоваться услугами мусульманских служащих из внутренних губерний России, сооружение, с согласия имперской администрации, культовых религиозных зданий и др.

Для удобства управления, как политическая мера, и в силу особенностей этноконфессиональных взаимоотношений на мусульманской периферии империи произошло образование новых этносоциальных категорий: бухарцы, кокандцы, ташкентцы (они же оседлые инородцы по «Уставу об управлении инородцев»), кочевые инородцы, шалаказахи. Однако несмотря на попытки государственного аппарата добиться гибкости и эффективности в организации управления мусульманами в конце XVIII – первой четверти XIX вв., система регламентации духовных дел мусульман (преимущественно в Казахской степи) носила децентрализованный характер. Большая часть духовных дел была отдана не на усмотрение ОМДС, а в руки региональной имперской администрации. Вплоть до начала XIX в. ОМДС имело ограниченный доступ к разнообразной палитре мусульманских дел, ограничивая свои действия в основном ролью испытательной комиссии для

соискателей духовных званий. Такая ситуация делала права и статус ОмДС по отношению к другим административным учреждениям Российской империи менее определенными, что, с одной стороны, позволяло использовать муфтиат в соображениях политической конъюнктуры, а с другой, исторически расширять государственное значение учреждения, учитывая перспективу реорганизации административных систем и последующего перераспределения ведомственного делопроизводства.

Во втором параграфе – «Развитие мусульманских институтов у казахов: историко-методологические аспекты» – анализируются особенности функционирования мусульманских институтов у казахов в период, предшествовавший образованию ОмДС; дается представление о факторах легитимности оренбургского муфтиата в Казахских степных областях.

Представление о так называемом «ненастоящем» исламе у казахов, которое активно развивалось в русскоязычной дореволюционной, советской и отчасти современной исторической науке, нами признается преувеличенным. Ислам имел давнюю историческую традицию на территории современного Казахстана. Если юг был исламизирован в ходе арабского завоевания VIII–IX вв., то население Дешт-и Кыпчака стало мусульманским в первой половине XIV в. Девин ДиУис, Д. Исхаков, на основе мусульманских источников, показали как исламская традиция с помощью легенд и исторических преданий успешно транслировалась в тюркских сообществах Улуса Джучи и становилась частью этнополитических идентичностей. Кроме этого, при изучении мусульманских институтов у казахов мы должны подвергнуть деконструкции привычное разделение на официальный и народный ислам, признавая тем самым равноправие региональных форм мусульманской религии.

В параграфе обосновывается мысль о том, что в конце XVIII в. в Казахской степи произошла так называемая «исламская трансформация», в том числе и с помощью административно-политических и конфессиональных мероприятий Российской империи. Однако роль Российского государства в этом процессе не следует переоценивать, так как казахи к этому времени были уже значительно исламизированы (при слабом развитии мусульманских институтов они обладали устойчивой мусульманской идентичностью и целостным религиозным сознанием).

По опыту взаимоотношений с пограничной администрацией в первой половине XVIII в. казахам была знакома практика назначения татарских и башкирских мулл. Еще до образования ОмДС и после этого события, Бухарское, а затем и Кокандское ханства являлись основными центрами

духовной инвеституры для населения Казахской степи. Думается, что Российская империя могла заимствовать некоторые модели легализации духовных служащих, опираясь на опыт среднеазиатских ханств.

В третьем параграфе – «Российская региональная политика и ислам в Казахской степи» – уделено внимание месту ислама и ОМДС в реализации региональной политики Российской империи в Казахских степных областях.

В 80–90-е гг. XVIII в. российские власти осознали, что ислам является важным элементом для умиротворения казахского края (формирование лояльности политической элиты), закрепления российского экономического и политического присутствия в виде развития стратегических форпостов на казахско–русском пограничье. Поэтому было задумано строительство мечетей, школ, караван–сараев, отправка духовных служителей в казахские земли. Чтобы быстро и эффективно реализовывать свои политические намерения, осуществлять надежную обратную связь империи со своими новыми подданными–казахами, высшие и региональные власти понимали целесообразность в использовании более способных и вызывающих доверие в степи кадров. К внешнеполитической, как и отчасти просветительской, экономической деятельности привлекались муфтии Мухаммеджан Хусейнов и Габдессалам Габдрахимов. Использованные нами источники показали, что эта практика была более разнообразной. В Казахскую степь выезжали также заседатели Духовного собрания, высшая духовная прослойка (ахуны) и другие категории мусульманских духовных лиц. Поэтому нестабильная политическая ситуация и различные тактические соображения имперской администрации способствовали стихийному вовлечению ОМДС в контекст региональной российской политики.

Ситуация значительно изменилась в 20-е гг. XIX в. Произошло создание новой системы управления для сибирских и оренбургских казахов, которые стали подчиняться высшей российской администрации. Вследствие этого стали складываться попытки распространить на казахов некоторые унифицированные империей правовые нормы для мусульман (например, брачный возраст, возрастной ценз для получения духовных званий, порядок открытия мечетей). Оренбургские муфтии уже не привлекались властями для участия во внешнеполитической деятельности в Казахской степи.

Вторая глава – «Оренбургское магометанское духовное собрание в системе регулирования религиозной жизни мусульман Казахской степи (1822–1868 гг.)» – исследует деятельность ОМДС как часть российской административной и судебной системы, регламентировавшей исламские институты в Казахской степи, прежде всего, по имперскому сценарию; однако в некоторых случаях допуская и собственный взгляд на воплощение

мусульманского порядка и морали. Кроме этого, осуществляется анализ имперского и исламского дискурсов, что позволяет нам проникнуть вглубь многообразных отношений между империей и мусульманами, представить реакцию мусульманского сообщества на проводимые государством мероприятия, также как и обозначить грани культурно-исторической, политической обусловленности Российской конфессиональной политики.

Первый параграф – «Компетенция Оренбургского магометанского духовного собрания в сфере разбора исков» – посвящен выявлению специфики интеграции ОМДС в систему судопроизводства у казахов.

В 1820-е годы ОМДС получило право рассматривать иски и жалобы по семейно-брачным делам (развод, дела об *амангерстве*, жалобы на жестокое обращение с женщиной, о невыплате *калыма*, о неисполнении супружеских обязанностей и т.п.), разделу частной собственности между мусульманами (раздел имений между наследниками, дела по завещаниям), злоупотреблениях мусульманских духовных лиц (неисполнение духовных обязанностей, нарушение норм *шариата* в семейно-брачных разбирательствах, обвинения в неблагочестивом образе жизни, взаимные претензии в вопросах раздела сфер влияния в *махалле*). Все эти дела в ОМДС могли поступать как от местных *улемов* – ахунов и мулл, так и от населения. В противном случае документы направлялись из окружных приказов и Пограничного управления сибирскими казаками⁸⁶. Административные власти, имея представления о загруженности низших инстанций и некомпетентности гражданских чиновников в мусульманских вопросах, стремились добиться от ОМДС, прежде всего, предварительного расследования дела или инструкций.

Муфтиат пытался препятствовать заключению распространенных среди казахов браков между близкими родственниками по линии мужа и жены. Выступая за соблюдение *шариата*, ОМДС стремилось к изживанию тех социальных отношений, которые были связаны с принуждением к семейному сожителству.

Принимая жалобы от казахского населения, затрагивавшие имущественную основу брака, Духовное собрание иногда вынужденно было руководствоваться компромиссами. Так, например, в правоприменительной практике *улемам* в мусульманских общинах было дозволено использовать понятия *калым* и *махр* как тождественные, несмотря на то, что происхождение и социально-экономический контекст этих практик различались.

⁸⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12603. Л. 104; Д. 12840. Л. 208.

Административной властью неоднократно предпринимались меры по отстранению Духовного собрания от разбора исковых дел казахов. Так, в 1848 г. Пограничное управление сибирскими казахами запретило петропавловскому ахуну Сирадж ад-Дину ибн Сайфулле ал-Кызыльяри рассматривать исковое дело о разделе имущества после смерти родителей и о выплате *калыма*. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В.А. Перовский 18 октября 1852 г. предписал ОМДС не вмешиваться в семейно-брачные дела казахов⁸⁷.

Во втором параграфе – «Проблема устройства мусульманских культовых зданий» – раскрываются вопросы открытия, закрытия и реставрации мечетей и молитвенных домов в Казахских степных областях.

Первые мечети на территории Казахской степи, вошедшей в состав Российской империи, стали появляться в конце XVIII в. Их возникновение, как правило, было обусловлено характером протекторатно-вассальных отношений, а также темпами социально-экономического развития приграничных населенных пунктов. ОМДС активно было привлечено к процессу регламентации мечетей и молитвенных домов у казахов только в 1820-е гг. Произошло это после реформ по отмене ханской власти и созданию новой системы управления в 1822–24 гг. Духовное собрание должно было осуществлять надзор за открытием и функционированием мусульманских культовых зданий, следить за соблюдением местным населением правительственных постановлений, регламентировавших порядок открытия мечетей, и, таким образом, регистрировать новые мусульманские общины.

На ОМДС возлагалось важное обязательство – обеспечивать административные и правительственные инстанции сведениями о количестве и состоянии мечетей у казахов. В силу того, что муфтиат не принимал окончательных решений по вопросам сооружения и закрытия мечетей, а также не имел возможности производить инспекцию в казахских регионах, статистические данные не отличались объективностью. В расчет, как правило, не бралась численность молитвенных домов. Их открытие, по причине отсутствия в имперском законодательстве каких-либо специальных указаний, в основном было результатом частного решения, которое достигалось вследствие соглашения между ОМДС и губернским начальством.

Третий параграф – «Конфессиональные и институциональные аспекты функционирования мусульманских общин (на примере Семипалатинска)» – представляет собой изучение религиозной жизни

⁸⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 602. Л. 6 об.

мусульманских общин в конце XVIII – XIX вв. Осуществляется это преимущественно через призму исламского дискурса.

Хотя мусульмане Семипалатинска признавали факт доминирования российского государства и легитимность новых для них мусульманских институтов (ОМДС, уездные, областные ахуны), но в вопросах своего благоустройства они не всегда опирались на нормативно-правовые и административные предписания империи. Мусульмане редко полагались на длительные бюрократические разбирательства, затягивавшие решение насущных жизненных вопросов (строительство мечетей, медресе, выбор имама).

Влияние оренбургского муфтиата на религиозную жизнь населения Семипалатинска хорошо прослеживается при использовании одновременно российских и мусульманских источников. ОМДС не только участвовало в практике лицензирования духовных лиц из Семипалатинска, но и имело отношение к вопросам строительства и переноса мечетей, иногда определяло статус местных мечетей. Духовное управление в Уфе принимало и рассматривало иски от населения, которые затрагивали семейно-брачные, имущественные вопросы. Также разбирались конфликты между имамами. В некоторых случаях Духовное собрание пыталось отстаивать свою собственную линию, вступая в разногласия с российскими административными инстанциями. Такая ситуация произошла при отказе ОМДС утвердить Ибрагима Ахметова в звании областного ахуна; в другом случае, муфтием было санкционировано решение о закрытии двух мечетей в Семипалатинске. В обоих примерах, как мы считаем, муфтиат попытался совместить понятия порядка (в том числе и религиозного, гарантом которого должно было выступать государство) и законности, которые культивировались в виде идеологемм в самой Российской империи. Однако обстановка на азиатской периферии империи не располагала к этому. Господствовали другие факторы – прагматичная логика и тактика действий по обстоятельствам.

В третьей главе – «Оренбургское магометанское духовное собрание между политическими рисками и требованиями бюрократической эффективности (40 – 60-е гг. XIX в.)» – рассматривается процесс изменения государственной политики по отношению к исламу в Казахских степных областях, в результате чего мусульмане были включены в число «уважаемых врагов»⁸⁸ империи; анализируются проекты и реформы по изъятию казахов из ведомства ОМДС.

⁸⁸ Выражение К. Мацузато. См.: Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. – Казань, 2004. – С. 450-451.

В первом параграфе – «Ахун Сирадж ад-Дин ибн Сайфулла ал-Кызыльяри: опыт изучения исламской биографии в имперском контексте» – на примере жизни и деятельности ахуна Петропавловска Сирадж ад-Дина ибн Сайфуллы ал-Кызыльяри исследуется на протяжении более чем двадцатилетнего периода эволюция взаимоотношений между мусульманскими улемами и их казахским окружением (родовая аристократия, местное управление, религиозные деятели), имперскими властями и ОМДС.

Мусульманский *улема*, обладавший набором характерных навыков религиозного поведения, в сложной имперской ситуации освоил несколько социальных ролей. Пройдя традиционный для своей семьи путь религиозной социализации, он стал частью конфессионального сообщества Петропавловска, идентифицируя себя с эталонами его религиозного благочестия. Покинув Петропавловск, Сирадж ад-Дин ибн Сайфулла ал-Кызыльяри оказался в двойственной ситуации: с одной стороны, занял маргинальное место в глазах части казахского общества, вступив в конфликт с местной элитой, а с другой – попытался трансформироваться из «чужого» в «своего», продемонстрировав особое отношение к роду, племени (через церемонии, дружбу, родство, суфийские связи и др.). Амбивалентность описанной ситуации позволяла российским властям извлекать свою выгоду. Во второй половине 50-х гг. XIX в. Сирадж ад-Дин ибн Сайфулла ал-Кызыльяри был превращен в яркий пример татарского тщеславия и экспансионизма, действовавшего вопреки государственным законам и невольно подавлявшего самобытность казахской культуры.

Во втором параграфе – «Реформа 1868 г. и проекты преобразования мусульманских институтов у казахов степных областей» – анализируются основные подходы властей к изменению системы регулирования ислама в Казахских степях, раскрываются итоги реформы 1868 г.

Изъятие казахов из ведомства ОМДС в 1868 г. являлось следствием, прежде всего, административно-политических соображений. Однако формулирование конфессиональной угрозы, включавшее рассуждения о «мусульманском фанатизме», «татаризации», было не столько самоцелью, а сколько идеологическим оправданием для реформы, что также включало стремление противопоставить проекты модернизации имперских окраин (как в сфере управления, так и в образовательных, экономических вопросах) «косному» и «сдерживающему» влиянию ислама. В течение второй половины XIX в. высшие правительственные и местные региональные институты управления активно участвовали в процессе выработки подходов к переоценке роли ОМДС и мусульманских институтов у казахов степных

областей. Особенности этой деятельности были следующие: вопрос об изменении системы регулирования ислама у казахов был в меньшей степени обусловлен политизацией исламского фактора (особенно в 1850-1860-е годы); деятельность губернаторов и специальных комиссий по «мусульманскому вопросу» показывала, что мысль об упразднении Духовного собрания была актуальна на всем протяжении второй половины XIX в.; анализ проектов и реакция на них свидетельствуют, что совмещение административных и духовных реформ в Казахской степи не было удачным. Попытки преодолеть трудности только административными методами также не принесли успеха; несмотря на самые жесткие и порой дискриминационные заявления местных чиновников в адрес татарских мулл и ислама как такового, правительство ни в 1870-х, ни в 1880-х годах не решалось вносить серьезные поправки в официальный курс веротерпимости по отношению к мусульманским институтам в Казахских степных областях.

В **заключении** сделаны основные выводы по теме исследования. Во второй половине XVIII в. в Российской империи произошло изменение правительственного курса по отношению к мусульманам. В этот период значительно увеличилась доля мусульманского населения и государство, учитывая свои внешне- и внутривнутриполитические интересы, проявило гибкость в регламентации мусульманских дел. В 1788 г. был издан указ об открытии ОМДС, который, с одной стороны, осуществлял легализацию прав мусульман в Российской империи, а с другой, способствовал использованию учреждения в различных внутри- и внешнеполитических мероприятиях правительства. В Казахских степных областях ОМДС с конца XVIII по начало XIX вв. действовало, как правило, в качестве дипломатического учреждения. Только после изменения административно-политической системы управления у сибирских и оренбургских казахов в 1822–1824-е гг. муфтиат стал исполнять функции, определенные для него в 1789 г. симбирским и уфимским наместником О.А. Игельстромом. ОМДС получило право разбирать иски и жалобы казахов, осуществлять контроль над деятельностью мусульманских духовных лиц, следить за исполнением правительственных постановлений в конфессиональной сфере, участвовать в регламентации мечетей и молитвенных домов, выступать экспертом в трактовках норм шариата, определять функции и статус тех или иных мусульманских духовных лиц, следить за ведением метрических книг и др.

Отношения между государственными институтами и ОМДС не всегда складывались благополучно. Хотя оренбургский муфтиат был частью российской административно-политической системы, но в некоторых специфических вопросах мусульманского благоустройства духовное

управление в Уфе пыталось проводить собственную линию. Например, при отборе кандидатов на звание ахуна или в ходе определения статуса мечети (соборная или пятивременная). Однако инициатива ОМДС, как правило, подавлялась административным давлением и многие из самостоятельных решений учреждения отменялись. В Казахских степных областях Духовное собрание в основном действовало через мусульманских духовных лиц или местные органы управления, которые не всегда стремились к исполнению поручений муфтиата. Таким образом, складывались децентрализованные тенденции в системе конфессионального регулирования.

В 1868 г. казахи были изъяты из ведомства ОМДС. Правительство мотивировало эту реформу политическими обстоятельствами, пытаясь представить оренбургский муфтиат как «чуждое» и враждебное для интересов местного населения учреждение. Реакция мусульман на реформу 1868 г. показала иную перспективу: вплоть до 1917 г. в центральные правительственные ведомства Российской империи подавались прошения и петиции с целью восстановить прежний порядок или создать для казахов отдельное Духовное управление.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Шаблей, П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в Казахстане (1788–1868 гг.) [Текст] / П.С. Шаблей // Вопросы истории. – 2008. – № 5. – С. 146–150 (0,4 п.л.).
2. Шаблей, П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание и семейно-брачные отношения у казахов в XIX веке: правовое регулирование [Текст] / П.С. Шаблей // История государства и права. – 2010. – № 2. – С. 25–29 (0,4 п.л.).

Другие публикации:

3. Шаблей, П.С. Влияние этноконфессиональной политики Российского государства на формирование социальной структуры населения Северного Казахстана (конец XVIII – начало XX вв.) [Текст] / П.С. Шаблей // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. V междунар. науч. конф. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2007. – С. 47–50 (0,3 п.л.).

4. Шаблей, П.С. Значение трудов С.Г. Рыбакова для изучения духовного быта народов Урала, Казахстана и Центральной Азии [Текст] / П.С. Шаблей, Г.В. Гринских // Вестник Костанайского государственного педагогического института. – 2007. – № 1. – С. 117–123 (0,2 / 0,4 п.л.).
5. Шаблей, П.С. Законодательные основы российской конфессиональной политики в степных областях Казахстана в конце XVIII – первой половине XIX вв. [Текст] / П.С. Шаблей // Вестник Костанайского государственного педагогического института. – 2007. – № 4. – С. 81–88 (0,6 п.л.).
6. Шаблей, П.С. Компетенция Оренбургского магометанского духовного собрания в системе государственного управления исламом в Казахстане (1788–1868 гг.) [Текст] / П.С. Шаблей // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: мат-лы всерос. науч. конф, посвящ. 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Уральский центр академического обслуживания, 2008. – С. 638–644 (0,3 п.л.).
7. Шаблей, П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание и Казахстан в представлениях власти и общества [Текст] / П.С. Шаблей // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: мат-лы III междунар. симпозиума. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – С. 171–177 (0,5 п.л.).
8. Шаблей, П.С. Проблемы Духовного управления мусульман в деятельности «Алаш» и ее предшественников (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] / П.С. Шаблей // Алаш и независимый Казахстан: преемственность идей и позиций: мат-лы междунар. конф. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2008. – С. 186–191 (0,4 п.л.).
9. Шаблей, П.С. Сибирский фронт в зоне казахско–русского приграничья [Текст] / П.С. Шаблей // Катанаевские чтения: мат-лы всерос. науч.–практ. конф., посвящ. 195-летию Омского кадетского корпуса. – Омск: Издательский дом «Наука», 2008. – С. 282–285 (0,3 п.л.).
10. Шаблей, П.С. Омская азиатская школа [Текст] / П.С. Шаблей // Мысль. – 2008. – № 10. – С. 89–92 (0,3 п.л.).
11. Шаблей, П.С. Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация [Текст] / П.С. Шаблей // Вестник Евразии: независимый научный журнал. – 2008. – № 3. – С. 99–122 (1,3 п.л.).

12. Шаблей, П.С. Власть и ислам в Оренбургском крае и Казахстане [Текст] / П.С. Шаблей // Казахстанские архивы. – 2009. – № 6. – С. 32–38 (0,5 п.л.).
13. Шаблей, П.С. Проекты Духовного управления мусульман в общественно–политической жизни Казахстана (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] / П.С. Шаблей // Мат-лы рег. науч. – практ. конф., посвящ. дню независимости Республики Казахстан. – Костанай: ИП Волков С.И., 2009. – С. 49–52 (0,2 п.л.).
14. Шаблей, П.С. Духовная дипломатия в Казахской степи (О деятельности оренбургского муфтия Мухаммеджана Хусаинова в Младшем жузе) [Текст] / П.С. Шаблей // Парадигма современной науки глазами молодых: мат-лы междунар. науч. конф. – Костанай: Принт-Экспресс, 2009. – Ч. 2. – С. 321–327 (0,5 п.л.).
15. Шаблей, П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание и Омское областное правление: регламентация духовного быта мусульман в Казахстане [Текст] / П.С. Шаблей // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. VI междунар. науч. конф. – Омск: Изд-во Омского ун-та, 2009. – С. 94–95 (0,1 п.л.).
16. Шаблей, П.С. Социальный облик мусульманских служащих в Казахской степи (конец XVIII – середина XIX вв.) [Текст] / П.С. Шаблей // Pax Islamica (Мир ислама). – 2010. – № 2. – С. 91–107 (1,1 п.л.).
17. Шаблей, П.С. Первые мечети Семипалатинска: история возведения и архитектурный облик [Текст] / П.С. Шаблей // Казахстан–Спектр. – 2011. – № 2. – С. 127–136 (0,8 п.л.).
18. Шаблей, П.С. Северные мечети [Текст] / П.С. Шаблей // Мысль. – 2011. – № 10. – С. 45–49 (0,3 п.л.).
19. Шаблей, П.С. Ахун Сирадж ад-Дин ибн Сайфулла ал-Кызыльяри у казахов Сибирского ведомства: исламская биография в исламском контексте [Текст] / П.С. Шаблей // Ab Imperio: исслед. по новой имперской истории и национализму в постсов. пространстве. – 2012. – № 1. – С. 175–208 (1,3 п.л.).
20. Шаблей, П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание и проекты преобразования мусульманских институтов в Казахской степи в 50–60-е гг. XIX в. [Текст] / П.С. Шаблей // Tartaria Magna: электронный научный журнал. – 2012. – № 2. – С. 48–86. URL: <http://www.tartaria-magna.ru/last-issue> (1,8 п.л.).

21. Шаблей, П.С. Мусульманское сообщество Семипалатинска: конфессиональное благоустройство и исламский дискурс под имперским управлением [Текст] / П.С. Шаблей // Иран-Наме: науч. востоковед. журнал. – 2012. – № 3. – С. 112–149 (1,9 п. л.).